

Интеллигенция — это заповедник

...После необъявленного и потому немногочисленного концерта Елены Камбуrowой в геленджикском ДК сосед по столику в ресторане обрушился краткой, но выразительной речью. «Послушайте! — воскликнул он и даже воздел при этом руки (то ли к нам, то ли к небу). — Ведь я же ездил ее встречать!.. Да если бы я знал, кого встречал, разве бы так я ее встречал!..»

А не случившись на Кубани фестиваля греческой культуры? Не окажись Камбуrowа чистокровной гречанкой? Этот далеко уже не юный красноречивец никогда и не открыл бы, что есть в нашем небе такая звезда. Вечно зашторенная от публики какими-то нелепыми тучами...

— Елена, простите, но так и хочется сказать — какого черта? Уж если элитарность — это только способность понять хорошие стихи, маленькие, но высокого напряжения музыкальные драмы, — то, по моим наблюдениям, наше общество все еще в значительной степени состоит из отборной элиты. Наугад, с концерта: вот Генуя. Нянчила мальчика. Думала — гения. Вышло — шарманщика... Непонятно? Да обычная же история. Потому и произает. И опять из вашего репертуара: «Кому не интересно — тот, видно, глуховат...»

— Я тоже убеждена, что это и есть основные песни. Но поскольку сегодня пошлость — основа жизни в стране, такие песни оказались за пределами нормы...

— ...Уволены в элитарность? Может, поэтому вас практически «уволили» с телеэкрана?

— На телевидении — рынок. Все покупается: место, время в эфире. Исключения редки: «Вечерний салон...», петербургские программы... Но и там снимают — лишь бы снять. Одной камерой, победному... То же — с пластинками. Сама я никаких шагов не предпринимаю, хотя, по большому счету, наверное, не права. Может быть, стоит остановиться на полгода, на год. Не выступать, заняться «увековечением»... Но я вообще человек не оседлый. Счастлива, что много езжу. А езжу обычно в одни и те же города, где «моя» публика, которая, точно знаю, ждет... В Киеве, Минске, Кишиневе,

Новосибирске бываю ежегодно.

Впрочем, я считаю, в каждом большом городе есть моя аудитория. Прежде всего — интеллигенция. Заповедник. Конечно, площадь этого заповедника могла бы быть больше...

— В этом заповеднике встречаются богатые люди?

— Как ни странно, нет. Масса друзей, масса доброжелателей — но среди них ни одного «делового» человека. У богатых другие кумиры.

— Ну, хотя бы талантливый администратор у вас был?

— Администратора и сейчас нет.

— Но в искусстве без богатого друга и талантливого администратора жить, кажется, почти невозможно. Эдит Пиаф, с которой вас нет-нет да и сравнивают, наверное, просто ужаснулся бы.

— Иногда хочется крикнуть: «Ау!» на всю страну... Была мечта иметь свой театр. Мест на 300—400, камерный. В центре Москвы, в старой постройке, в старых театральные традиции. С прекрасным светом и звуком. Где мои вечера чередовались бы с вечерами чтецов, гитаристов. Чтоб возрождались любовь к напряженной поэтической строке... Мы пытались что-то сделать. Уже Лужков подписал нужные документы, уже надо было подыскивать помещение, чтобы потом за него бороться... Но борьба за каждый квадратный метр в Москве становится все более ожесточенной, и мне не по

силам. Не будет этого театра. Разве только произойдет чудо...

— В виде интеллигентного богача?

— По-моему, новые хозяева жизни по уровню культуры, по своим пристрастиям мало чем отличаются от прежних. Тоже предпочитают оперетки. Они — не мои зрители.

— В смутные времена, вроде нашего, многие перестают что-либо понимать. Тот не знает, как жить, другой не знает, о чем писать, о чем петь... А вы?

— Одно дело — сиюминутные ориентиры, иное — категории вечности. Ишу... А в общем — как трава прорастает из асфальта — так и я, по космическим законам роста, движения, куда-то иду, куда-то ступаю, несмотря ни на что... Это легче, чем стоять на месте. И потом, я научилась каким-то новым вещам: когда цветут деревья — праздник. Сопереживаю. Восхищаюсь. В людях сегодня пытаются убить все тонкие чувства — но, оказывается, еще немало тех, кто не идет в ногу с этим временем. Мы эмигранты. Мы эмигрируем в свою страну — страну мыслей и чувств. На том стоим...

— Какие стихи вы предпочитаете?

— В них должно быть благородство помыслов и исполнения.

— Ваша премьерная песня — «Тройка» — совершенно выбивается из прочего репертуара: балаганчики, шар-

манчики, кавалергарды... И вдруг — какие-то дьявольские лошади. Неистовый бег — куда? И топот, который вот-вот сокрушит все... Я слышала, вас после концерта упрекнули, что вы не вывели нашу любимую тройку на ровную дорогу. Что в финале не звенит под дугой колокольчик...

— Я всеми силами пыталась облегчить финал. Кстати, у авторов он вполне обнадеживающий. Поэт Павел Васильев закончил стихи так: «Рванулись. И деревня — сбита. Пристайка мечет, а вожак, Вонзая в быстроту копыта, Полмира тащит на вожжах!» Однако «тройка» оказалась неуправляемой. Пришлось добавить вот это — ляляля — ускорение. И Гоголя. «Русь, куда же...» Я не в восторге от стихов, но не это ли ключевые строки: «Кто ж выдумал хмельных, лошажьих, Разгульных девок запрягать. Одна из меченых и ражих да крадена, выдать...»

— Мне кажется, сегодня это песня номер один. Хотя, конечно, в «Песне-93» она не прозвучит...

— Мы сделали еще «Россию» Галича. Тоже очень драматичный, большой по времени номер, который, как и «Тройка», очень трудно рождался...

— Стало быть, вас так все-разьез волнует судьба этой страны?

— Конечно. Это проходит через всю жизнь.

— У вас есть ученики?

— В той степени, в какой я — ученица всего другого.

Мы все учимся у того, кто нам близок. Моя песенная родина — Франция. Я буквально воспитывалась на французских шансонье. Больно, что во Франции эта песня буквально умирает. Жак Брель — последний из могикиан. Там тоже все заполонила американская масскультура... Последний островок — фестиваль в Авиньоне. У нас — конкурс актерской песни. Но и он постепенно теряет свое лицо, сбивается на эстрадное шоу...

— А газеты читаете?

— «Комсомолку». Правда, в основном только материалы о культурной жизни. И с грустью вижу, что и сюда проникла и наступает масскультура. Не все оценивается точно. К примеру, недавно — дает интервью Пенкин — «Принц Серебряный». Парень удивительно талантливый. Но вот он высказывается в том смысле, что всякий желающий его послушать не пожалеет каких-нибудь 10—20 тысяч за билет. Конечно, моей публики на его концертах не будет. У большинства «моих» зрителей нет и не может быть таких денег.

— Сколько же стоит билет «на вас»?

— Я — «дешевая» певица. Самые дорогие билеты были в Киеве — 300 рублей.

Зато за 300 рублей — «Народ, упавший так низко, слушай меня. Я рыцарь чести — и потому...»

Ирина КИРЬЯНОВА.
(Наш корр.).